

Рецензия на работу: Туркестан в имперской политике России: монография в документах / отв. ред. Т.В. Котюкова. М.: Кучково Поле, 2016. 800 с.

Б.А. Алимджанов

Аннотация. В рецензии рассматривается коллективная монография, составленная в сотрудничестве российских (С.Н. Абашин и Т.В. Котюкова) и узбекистанских (Б.М. Бабаджанов и О.А. Махмудов) историков, которая, на наш взгляд, отражает попытки «унифицировать» взгляд на прошлое Туркестанского генерал-губернаторства общими усилиями и создать дискуссионное поле вокруг истории края. Возвращение к «большой истории» в рамках имперского нарратива, следуя «советской» традиции к изданию тематических сборников архивных документов, убеждает читателя, что по-советски преодолевается «односторонность» предыдущей и настоящей историографии по истории Русского Туркестана. Предоставленные документы относятся в основном к военным чинам и местной администрации, в результате чего восстанавливается подход «сверху», а не «снизу», мнение «сильного», а не «слабого» в имперских процессах. Выборка документов показывает нам «другое» лицо имперской администрации или сторонника «расширения» России на Востоке и региональной политике.

Ключевые слова. Российская империя, Центральная Азия, Туркестан, завоевание, присоединение, ислам, администрация.

Review on: Turkestan in the Imperial Policy of Russia: Monography in Documents. Ed. by T.V. Kotyukova. M.: Kuckovo Pole, 2016. 800 p.

B.A. Alimdjano

Abstract. In the review, a collective monograph compiled in cooperation between Russian (S.N. Abashin and T.V. Kotyukova) and Uzbek (B.M. Babadjanov and O.A. Makhmudov) historians is considered, which, in our view, reflects attempts to “unify” a look at the past of the Turkestan Governor General by joint efforts and create a controversial field around the history of the region. Returning to the “great story” within the framework of the imperial narrative, following the “Soviet” tradition to publish thematic collections of archival documents, convinces the reader that in Soviet fashion the one-sidedness of the previous and true historiography on the history of Russian Turkestan is overcome. The submitted documents refer mainly to military ranks and the local administration, as a result of which the top, not bottom approach, the opinion of strong, rather than weak in the imperial processes, is being restored. The selection of documents shows us the other face of the imperial administration or a supporter of Russia’s expansion in the East and regional politics.

Keywords: Russian Empire, Central Asia, Turkestan, conquest, annexation, Islam, administration.

Рецензируемая монография состоит из четырех разделов: 1) «Движение Российской империи в Среднюю Азию»; 2) «Власть, стратегии контроля и административного контроля»; 3) «Ислам и его институты Мусульманская политика»; 4) «Памир — завершение имперского движения в Среднюю Азию». Ниже мы постараемся кратко охарактеризовать каждый раздел с точки зрения соответствия терминов, понятий и дефиниций, которые активно использовали авторы монографии, чтобы преодолеть советское историописание и «по-новому взглянуть на уже известные факты» (с. 21), а также показать все дискуссии, существующие по этой проблеме на постсоветском пространстве.

Авторы монографии реставрируют макроисторию края, в основном ссылаясь на циркулярии, записки, указы и рапорты туркестанских генерал-губернаторов, военных или «экспертов» по Средней/Центральной Азии. Интересно, что архивные документы имеют в основном местный характер, отражая административную переписку и канцелярские отношения периферии с центром. Заявленное в названии определение «имперская политика» не находит своего отражения в подборке материалов. Эта дефиниция закрывает двери для дискуссий, так как можно предположить, что Туркестан находился вне империи, хотя имперский дискурс присутствовал непременно. Нужно отметить, что «империя» подразумевает отношения метрополии и колонии, колонизаторов и колонизируемых; к сожалению, эти дефиниции и термины почти не использованы во вводных статьях авторов к документам, хотя, по-нашему мнению, они имплицитно присутствуют в предоставленных документах или авторы пытаются, скорее всего, «навязать» не сформулированное новое определение *Империи* следуя постмодернистской традиции.

Термины и дефиниции, использованные авторами монографии в первой главе, основаны, на наш взгляд, на искусственном преодолении дихотомии *присоединение/завоевание*, хотя авторы активно используют новые термины *экспансия, присоединение и движение* (С.Н. Абашин), *интервенция и завоевание* (Б.М. Бабаджанов и Т.В. Котюкова), *покорение* (О.А. Махмудов). Как видно из разнообразия использованных терминов (1 и 4 разделы) между авторами нет согласия насчет характера *присоединения/завоевания*, хотя они активно используют новые дефиниции, чтобы избежать жесткой советской понятийной дихотомии действий имперских войск в Средней/Центральной Азии. Также нужно отметить, что в тематическом плане можно было объединить первый и четвертый разделы, так как они освещают в основном вопросы экспансии/движения/покорения/завоевания/интервенции царских войск в Среднюю/Центральную Азию. Первый раздел начинается с 1853 г. и заканчивается Кульджинским вопросом (1871 г.), упор в основном сделан на восточные границы Ферганской долины и Западного Китая. Странным образом не освещаются вопросы экспансии/движения/покорения/завоевания/интервенции российских войск в Ферганской долине, Хорезмском оазисе (1873 г.) и туркменских степях. В четвертом разделе собраны документы по разграничению Памира между Российской и Британской империями и политики империи Романовых в приграничных высокогорных областях. Все архивные документы, безусловно, показывают

многогранность военной политики Российской империи в Туркестанском генерал-губернаторстве и соседних областях (Бухаре, Хиве и Восточном Туркестане). «Отсутствие» единой военной политики России в регионе ярко прослеживаются в действиях генерала М.Г. Черняева, его пресловутая симпатия, его «мусульманские» действия в Ташкенте и других городах Туркестана на начальном этапе экспансии/движения/покорении/ завоевании/интервенции (Б.М. Бабаджанов), а также зависимость военной политики от сложившихся ситуаций в приграничных районах — Кульдже и Памире (С.Н. Абашин и О.А. Махмудов), которая наталкивает на мысль, что имперское «движение» в Средней/Центральной Азии зависело от личностей — генералов и военных губернаторов, а также коррелировало с ситуацией на границе, где сталкивались интересы таких держав как Россия, Китай и Великобритания. Конечно, описать всю историю Туркестана, не являлось задачей авторов монографии, и, по-нашему мнению, выборка архивных документов, предложенная учеными — следовать по географическому принципу (Оренбург, Западный Китай и Памир) имеет определенный методологический смысл — авторы пытаются объяснить военную политику Российской империи двумя факторами — трансграничные проблемы с Китаем и Англией, а также индивидуальные мотивы или «порывы» царских генералов и представителей администрации Туркестана. Такой подход преодолевает советские клише присоединения/завоевания, а также *экономические и политические* мотивы Российской империи в Туркестане в советской/постсоветской историографии, заменяя их на сиюминутные порывы и субъективные действия военных и интересов местной администрации в военной политике России, а также борьбы мировых держав за господство в Средней/Центральной Азии.

Второй раздел монографии посвящен административной системе, судам, вакуфам, выборам в Государственную Думу и прессе. Включение в раздел архивных документов по «туземной» прессе, народным судам и вакуфам являются новизной в историографии истории Туркестанского края, которая показывает всю палитру реальной жизни в генерал-губернаторстве. На наш взгляд, в параграфе 2.1. основной упор сделан на составление проектов «Положений» по управлению Туркестанским краем. Автор выборки этого параграфа пыталась объяснить «провал» имперского проекта в Туркестане «отсутствием единой, модернизированной системы управления, тормозившей процесс общественного развития края» (с. 145). Вывод категоричный и немного непонятный — модернизация Туркестана зависела от имперских структур метрополии, которая противилась принятию «Положения» во вред имперским интересам?! В понятийном отношении мы не смогли понять, что подразумевает автор под «единой, модернизированной системы управления?». Получается, что административная система Туркестана за последние 20 лет (1897–1917 гг.) своего существования не отвечала требованиям времени, то есть была анахронизмом, и если она была таковой, как ее описывает автор и подборка архивных материалов, то каким образом принятие нового «Положения» об управлении Туркестанским краем в один миг превратила бы «старую» администрацию в «модернизованную». Если принимать во внимание, что по новому «Положению» Туркестан передавался под эгиду Министра внутренних дел с сохранением

полномочий Туркестанского генерал-губернатора, то становится ясно, что «гражданское» управление Туркестаном было просто фикцией. Нужно учитывать, что статьи «Положения» 1886 г. подвергались изменениям и улучшениям более ста раз по важным вопросам, и поэтому необходимость в новом «Положении», скорее всего, отсутствовала. Мы считаем, что новое «Положение» как считали его составители и идеологи метрополии — не начало «модернизации» Туркестанского края, а ее конец. Нам кажется, что под таким углом зрения можно интерпретировать административные реформы в Туркестанском генерал-губернаторстве.

Третий раздел посвящен исламским институтам и мусульманской политике Российской империи в Туркестане. Этот раздел по праву можно назвать прорывом туркестаники постсоветского периода. На наш взгляд, автор раздела Б.М. Бабаджанов больше уделяет внимание проектам (например, С.М. Духовского) по исламу и исламским практикам (хадж и т.д.) местной администрации, чем показывает реальное состояние и ситуацию в Средней/Центральной Азии. Архивные документы подобраны автором тщательно — донесения, доклады, мнения, записки местных начальников и полиции и т.п. по исламу и местном духовенстве. Основной принцип Б.М. Бабаджанова в описании документов делить «исламскую» политику администрации на «степную» и «оседлую». Прав, автор, когда он указывает, что казахи были менее исламизированными, чем оседлое население Туркестана. Раздел по степному исламу написан великолепно и архивные документы соответствуют идее автора, что же касается оседлых районов Туркестана, здесь ситуация намного сложнее. Автор, условно делит исламскую политику администрации в Туркестане на два периода: до и после Андижанского восстания 1898 г. Нужно учитывать, что хотя после восстания 1898 г. увеличилась «паника» и записки «экспертов» по местному исламу и ее угрозе империи, она не смогла повлиять на реальное положение дел. Скорее всего, местная администрация хотела набрать очки перед Петербургом и просила дополнительное финансирование на увеличение штатов полиции и органов управления (с. 533). И, в конечном счете, Андижанское восстание 1898 г. стало излюбленной темой туркестанской администрации спустя даже годы, итогом, которого стало препятствие передачи края из рук Военного министерства в МВД и оправдывало постоянное чрезвычайное положение в Средней/Центральной Азии.

Невзирая на все недостатки и недочеты в методологическом плане коллективная монография это весомый вклад в туркестанские исследования на постсоветском пространстве, так как она ставит новые вопросы, использует новые подходы и методы объяснения и предлагает новые модели туркестанской действительности. Всякий исследователь научных проблем Средней/Центральной Азии обязан прочесть эту книгу и держать ее в собственной библиотеке, чтобы коррелировать свое творчество с молодым направлением в исторической науке — туркестаника или туркестанские исследования.